

Чэнь Юэсян присмотрелась к сыну: слава богу, прежней потерянности как не бывало, рассуждал он здраво и толково. На душе у неё заметно отлегло. Она согласно кивнула:

— Ладно, пусть будет по-твоему, поспешать не станем. Главное — спускать им это с рук мы не намерены.

— Это уж точно, — хмыкнул Хань Дуй. — Дай только рукам до них дойти, я им уши-то нахлобучу.

Покончив с планом мести семейству Ли, мать и сын вернулись к насущному — пресловутому обмену невестами.

При одном упоминании этой кабалы Чэнь Юэсян снова помрачнела:

— Сама понимаю, что грех это, а не женитьба. Но как её сорвать-то? Отец твой — дубина стоеросовая, тупой как сибирский валенок и упрямый как осёл. А уж бабка твоя, Чжао Чуньпин... сам знаешь, карга хитровылупленная, вечно скандалы на пустом месте строит, да ещё и покомандовать любит. С этой парочкой как сладить? Да тут ещё Ганцзы со своим упрямством лобовым. Господи боже мой, как вспомню — так челюсть сводит.

Хань Дуй прищурился, в глазах его сверкнул лукавый огонёк.

— Мам, ты недооцениваешь свои таланты. Стоит тебе по-настоящему захотеть, и выход найдётся. Давай пока пойдём по пути наименьшего сопротивления: применим тактику выжидания. Потянем резину полгода-год, а там, глядишь, и придумаем что-нибудь путное.

Перспектива отложить неизбежное на полгода-год вернула Чэнь Юэсян бодрость духа.

— Хорошо. Вечером отец вернётся, я прошупаю почву.

Едва спустились сумерки, вернулись Хань Дахуа с Хань Ганом. Отец семейства, высоченный, широкоплечий и чернолицый, заросший жёсткой щетиной, смахивал на свирепого разбойника Ли Куя из старых романов.

Заметив Хань Дуя, Хань Дахуа басом бросил:

— Оклемался уже? Всё путём?

Хань Дуй кивнул, показывая, что пошёл на поправку.

— Ну и добро, — прогудел Хань Дахуа. — С завтрашнего дня выходи в поле с братом, трудись на

совесть. А там твой третий дядя приедет, попросим бабушку уломать его, пусть пристроит тебя куда-нибудь временным рабочим. И забудь ты про эти государственные наборы, нечего губы раскатывать. Против семейства Ли нам ловить нечего.

Стоявший рядом Хань Ган скептически хмыкнул:

— Отец, брось ты. На госслужбу ходу нет, да и с временной работой ловить нечего. В прошлый раз, когда дядя пристроил Сяо Цяна, тётка такой хай подняла — месяц с ним не разговаривала. Кричала, что это место предназначалось для её родственников.

Ган косо глянул на младшего брата и добавил:

— К тому же Сяо Цян куда шустрее нашего Сяо Жуя. Тот так и вьётся у дяди под носом: то овощей свежих из деревни привезёт, то по хозяйству поможет. Несколько лет задницу ему лижал, пока выслужился. А этот что?

Чэнь Юэсян, услышав, как пасынок попрекает её родного сына неумением ладить с людьми, мгновенно оцетинилась:

— Это кто тут у нас глупый да нерасторопный? Сяо Жуй школу с отличием закончил! Неужто он в этих копеечных глупостях не разберётся, если припрёт? Просто у мальчика не было ни времени, ни желания перед каждым задом вилять. И ты ещё смеешь рты открывать? Был бы ты хоть наполовину таким толковым, как твой брат, не пришлось бы нам девку в чужую семью за бесценок отдавать ради твоей женитьбы!

Эти слова больно укололи Хань Гана за живое. Буркнув, он огрызнулся:

— Я бы тоже не отказался смазливой рожей хвастаться! Да только лицо мне родители дали, я-то тут при чём?

Хань Дахуа сурово зыркнул на старшего:

— Ишь, родителей он винит! Моя порода. Не на соседа же тебе походить, в конце концов!

Надо сказать, Хань Ган лицом пошёл в отца, только вышло ещё хуже. Хань Дахуа, хоть и не блистал красотой, нёс своё уродство смиренно и в глаза особо не бросался. А вот у его старшего сына черты лица будто подбирались вслепую из гербария и бестиария: нос, губы, глаза — всё росло вкривь и вкось, совершенно не считаясь со здравым смыслом и анатомией человека.

Выждав, пока семейная дискуссия утихнет, Хань Дуй понял — пора брать инициативу в свои руки. С самым серьёзным и благообразным видом он обратился к старшему брату:

— Брат, ты вечно винишь небо, землю и родителей. Но оглянись вокруг: дурнушек и неказистых пруд пруди, однако живут же люди, женятся, детей растят. Твоё одиночество, конечно, отчасти связано с лицом, но не в нём одном корень зла. Взять хотя бы нашего отца. Ты хоть раз слышал, чтобы он жаловался на судьбу? С такой внешностью он умудрился взять в жёны двух прекрасных, добродетельных женщин — сначала твою маму, а теперь мою. А всё почему? Потому что отец у нас — человек широкой души, великодушный, работающий и надёжный. Своими яркими достоинствами он затмил эту крошечную, несущественную щербинку во внешности.

Чэнь Юэсян лишилась дара речи.

«Ну и заливает стервец... Двадцать лет живу с этим бревном, а из достоинств у него разве что умение жрать в три горла. Вот недостатки у него действительно так и сияют, за версту видать»

Старшая сестра, Хань Мэй, растерянно захлопала глазами. Она украдкой скользнула взглядом по суровому лицу отца и тут же пристыженно опустила голову. Видно, не хватало ей сыновней почтительности младшего брата — как ни силилась, никаких скрытых добродетелей в родителе она разглядеть не смогла.

Сам Хань Дахуа сперва остолбенел от такой неприкрытой лести. Но затем его губы невольно разъехались в довольной ухмылке. Хм, если хорошенько раскинуть мозгами, а ведь парень-то дело говорит! Кто поспорит, что он мужик хоть куда?

На физиономию Хань Гана в этот момент стоило посмотреть: на ней за секунду отразилась вся гамма чувств от глубочайшего шока до полного недоумения. Возразить было нечего. Не скажешь же при отце, что младший несёт несусветную чушь и у него просто повылазило? Скажешь — и тут же огребёшь от бати тяжёлым кулаком по загривку.

Хань Дуй покровительственно похлопал онемевшего гиганта по плечу и наставительно произнёс:

— Так что, брат, бери пример со старшего поколения. Будь великодушнее, держи характер в узде, не лезь при каждом удобном случае с кулаками. Работай побольше, помогай семье. Не зря говорят: лицо — зеркало души. Очистишь помыслы — глядишь, и черты лица сгладятся, станут приятнее глазу. Вот посмотри на меня, на старшую сестру, на Сяо Чжу или на маму. Почему мы все такие ладные да пригожие? Да потому что души у нас светлые, мы всегда о ближних заботимся!

Чэнь Юэсян только мысленно хмыкнула.

«Ну надо же, как вывернул. А ведь если подумать, что-то в этом есть...»

Сяо Чжу лишь молча вздохнула про себя.

«Ну да, конечно. Что с тебя взять, мели, Емеля, твоя неделя»

Хань Дахуа поспешил закрепить педагогический успех:

— Слышал, Ганцзы? Сяо Жуй правду говорит. Укороти свой норов и веди себя приличнее. И к тётушке Сян относись с уважением, она тебе не чужая.

— Да я... Отец... — проямлил Ган.

— Всё, замаяли, — отмахнулся Хань Дахуа. — Тащите ужин, брюхо подвело.

Хань Мэй и Сяо Чжу послушно побежали на кухню и вскоре вернулись с ужином. Меню разнообразием не блистало: плетёная корзинка с пресными кукурузными пампушками-воутоу, котелок жидкой похлёбки, миска битых огурцов с чесноком да тарелка наструганной солёной редьки. Самая что ни на есть суровая крестьянская снедь.

К счастью, Хань Дуй в своей прошлой жизни знал времена, когда модно было «очищать организм» цельнозерновыми продуктами, так что к подобной диете отнёсся философски.

Он взял плотную, величиной с кулак, кукурузную пампушку, макнул в похлёбку и принялся жевать с явным аппетитом. Мука, правда, оказалась грубого помола — немилосердно драла горло, солонина так и жгла язык, а в супе отчаянно не хватало капли кунжутного масла для нажористости. Но жаловаться грех.

Правилами хорошего тона за этим столом никто не заморачивался — чавкали, прихлёбывали и болтали одновременно. Хань Дуй, чьи воспоминания о прошлой жизни этого тела напоминали лоскутное одеяло, по большей части помалкивал и слушал, лишь изредка подбрасывая в топку разговора наводящие вопросы.

Сопоставляя услышанное с обрывками памяти, он пришёл к двум важным выводам.

Во-первых, между четырьмя братьями Хань — отцом и его дядями — зияла глубокая пропасть взаимной неприязни. Чёрт ногу сломит в их старых обидах: это был клубок взаимных претензий, где виноватых не найти.

Старший дядя считал, что родители обделили его любовью, средний брат (отец семейства) вырос неблагодарным эгоистом, третий — безалаберным, а младший — форменным паразитом. Третий дядя, устроившийся в уездном городе, подозревал, что вся деревенская родня только и думает, как бы сесть ему на шею. Младший дядя пребывал в уверенности, что семья загубила его блестящее будущее. Ну а отец, Хань Дахуа, занимавший почётное второе место в этой очереди обиженных, костерил всех троих за бестолковость. Короче говоря, каждый мнил себя безвинно пострадавшим и носил за пазухой увесистый булыжник.

Во-вторых, фигура капитана Ли Маньфу вызывала глухой ропот не только у клана Хань, но и у всех мелких семейств деревни. Однако хитрый староста умел вовремя лизнуть начальство и подмаслить кого надо. Бухгалтер у них ходил в лучших друзьях — спелись так, что водой не разлить, а партийное руководство закрывало на его мелкие шалости глаза.

Хань Дуй мысленно усмехнулся:

«Да уж, кочка мала, да вонь велика. Болото мелкое, а чертей прорва»

Едва посуда опустела, Чэнь Юэсян подтолкнула мужа к выходу:

— Ну-ка, Даминь, пойдём в комнату. Дело есть серьезное.

Супруги скрылись за занавеской жилой половины.

Хань Дуй, догадываясь, что разговор пойдёт о судьбе Мэйцзы, подмигнул матери и показал незаметный жест поддержки. Чэнь Юэсян лишь беззлобно фыркнула на него в ответ.

Хань Ган, набив утробу, вытер рот засаленным рукавом и шумно вывалился во двор. Хань Мэй принялась убирать со стола, и Хань Дуй тут же пристроился помогать.

Сестра так и застыла с грязной миской в руках:

— Сяо Жуй, ополоумел? Оставь, негоже парню у корыта возиться.

В их глуши мужчины отродясь к кухонным делам не прикасались — считалось делом позорным, бабьим.

Хань Дуй нарочито громко, чтобы слышно было на всю хату, отозвался:

— Пустяки, сестрица! Семья у нас одна, и вклад в общее благо — долг каждого сознательного человека. К тому же я ведь доброй души человек, о других радею. Оттого и лицом светел, как мы сегодня выяснили!

За дверью послышалось недовольное кряхтение Хань Гана:

«Ишь, распелся, соловей недоделанный...»

Сяо Чжу, глядя на такую примерную картину, устыдилась своей лени. Вздохнув, она взяла тряпку и принялась остервенело тереть щербатый стол, а затем взялась за веник. В итоге один лишь Ганцзы остался стоять посреди двора неприкаянным идиолом.

Но стоило Хань Дую донести тарелки до кухни, как Хань Мэй решительно выставила его за дверь:

— Иди-ка отсюда. Столько дней в беспамятстве пролежал, ноги небось ещё не держат. Умойся, зубы почисти и брысь в постель.

Спорить он не стал. Забрав из комнаты свою щётку и выдавшую виды эмалированную кружку, Хань Дуй вышел к колодцу во дворе.

Пока он наяривал зубы, Хань Ган стоял неподалёку, опершись о плетень, и наблюдал за процессом с плохо скрываемым презрением:

— Да что у тебя там за помойка во рту? Ладно утром скребёшь, так ещё и на ночь глядя. Вечно у вас, шибко грамотных, забот полон рот на ровном месте.

Хань Дуй сплюнул белую пену в траву и удивлённо приподнял бровь:

— Хочешь сказать, ты зубы вообще не чистишь?

— Отродясь такой дурью не маялся, — гордо выпятил грудь Ганцзы. — И ничего, не жалуюсь. Чисто всё.

Хань Дуй сочувственно вздохнул:

— Уверен? Ты завтра поутру к зеркалу подойди да полюбуйся, какого цвета у тебя клыки. А потом ладонью рот прикрой, выдохни посильнее да понюхай, чем оттуда несёт. Эх, брат, тебе ж жениться скоро, поимей совесть перед будущей супругой-то.

Хань Ган поперхнулся воздухом и замолчал.

Хань Дуй лишь покачал головой, мысленно смирившись. Да уж, если вспомнить, даже в его просвещённом двадцать первом веке хватало персонажей, у которых гигиена вызывала слёзы сочувствия, что уж говорить про дремучую деревню семидесятых. Дел предстояло непроворот.

Одарив притихшего великана взглядом, полным глубочайшего сострадания, Хань Дуй удалился под крышу. А у Хань Гана внутри словно кость поперёк горла встала — и злость берёт, и ответить нечего.

Хань Мэй тем временем согрела ведро воды и позвала брата греть ноги. Хань Дуй с блаженством растянулся на табурете, опустив уставшие ступни в кипяток. Была шальная мысль почитать перед сном, но тусклая лампочка под потолком едва тлела, то и дело

подмигивая из-за перепадов напряжения. Пожалевав зрение, он задул светильник и зарылся в одеяло.

Наутро деревню разбудил хриплый хор пернатых будильников. Из курятников понеслось залиvistое кукареканье, возвещая о начале нового дня, и обитатели дома зашевелились один за другим.

Едва умывшись, Хань Дуй подкараулил мать в сенях:

— Мам, ну что? Как отец отреагировал?

Чэнь Юэсян воровато оглянулась и шепнула:

— Отец-то твой вроде призадумался, когда я ему всё по полочкам разложила. Понял, что дров наломать можем. Да только бабка твоя — кость поперёк горла. С ней лаяться мне не с руки, пускай он сам идёт под её танки.

Хань Дуй соорудил благоговейную мину и сложил ладони у груди:

— Матушка, ты у меня просто гений дипломатии! Двумя словами батю переубедить — это ж талант надо иметь. Хоть бы мне малую долю твоего ума да красноречия унаследовать!

— Да ну тебя, балабол, — беззлобно шлёпнула его по плечу Чэнь Юэсян. — Как прижмёт, так соловьём разливаешься, а как всё утрясётся, так лица от тебя не допросишься. Вся порода ваша отцовская — потребительская!

— Мам, ну я же знаю, что под этим суровым панцирем скрывается нежнейшее сердце, — ухмыльнулся Хань Дуй. — Только ты меня своим острым язычком пореже режь, ладно? Смотри, какая шкурка тонкая, того и гляди по швам разойдётся.

— Будет тебе паясничать, иди за стол, — улыбнулась женщина. — Поедим — и за дело. Пока в поле передышка, надо этот узел разрубить раз и навсегда.

Осенняя страда действительно миновала, озимые благополучно улеглись в землю. Работы по прокладке каналов и укреплению дамб коммуна пока не утвердила, так что колхозники наслаждались короткой золотой передышкой. Но лафа обещала закончиться со дня на день.

Собрались за столом в полном составе.

На завтрак подали пресные лепёшки из ячменной муки, всё ту же квашеную редьку и жиденькую пшённую кашу. Как только деревянные ложки стукнули о дно мисок, Чэнь Юэсян требовательно уставилась на Хань Дахуа и выставила его за дверь — идти на поклон к

родителям.

Тот, прекрасно сознавая, какой нагоняй его ждёт от старой матери, долго топтался у порога, затягивая пояс и почёсывая затылок, но деваться было некуда — пришлось плестись.

Вслед за отцом ушёл во двор и недовольный Хань Ган. Сяо Чжу убежала сплетничать к соседкам. Хань Мэй, управившись с уборкой в мгновение ока, взвалила на плечо тяжёлую бадью с бельём и собралась к реке. На пороге она обернулась к Хань Дую:

— Сяо Жуй, наскреби свои грязные портки, я всё разом на речке постираю.

Хань Дуй замахал руками — мол, сам справлюсь, не маленький. Но сестра слушать не пожелала: бесцеремонно зашла в его каморку, выгребла из угла несвежую рубаху и, бросив в таз, ушла к воде.

Чэнь Юэсян проводила падчерицу долгим взглядом и невольно вздохнула:

— Не зря ты за неё горой стоишь. Золотая девка, пылинки с тебя сдувает. Сяо Чжу вон родная сестра, а палец о палец ради тебя не ударит.

— То-то и оно, мам, — кивнул Хань Дуй. — Она ко мне со всей душой, а я её в эту выгребную яму обмена позволю столкнуть? Да меня после этого земля носить не должна.

— Да ладно тебе убиваться, — попыталась успокоить его мать. — Ты и так сделал всё, что мог. Если уж ничего не выгорит, никто в тебя камень не бросит. Спросить бы с этих лоботрясов, Ганцзы и Сяо Цяна, — они ей братья кровные, а ведут себя как чужие.

— Мам, ну ты сравнила тоже, — гордо вскинул подбородок Хань Дуй. — Где я, а где эти два валенка? Негоже мне по их меркам жить. Я твой сын, человек с образованием, культурный. С меня и спрос двойной!

Чэнь Юэсян только расплылась в улыбке. И то правда — разве можно её ненаглядного мальчика равнять с этими деревенскими мужланами?

За разговорами незаметно пролетел час, а главы семейства всё не было видно.

Но вот с улицы донеслись зычные, визгливые вопли, от которых задрожали стёкла в рамах.

Чэнь Юэсян мгновенно переменилась в лице. Эту утробную сирену она узнала бы из тысячи.

— Ну всё, тушите свет, — простонала она, прижимая ладонь к виску. — Старая карга на тропу

войны вышла.

Не успела она договорить, как в калитку ураганом ворвалась Чжао Чуньпин. Бабка стояла посреди двора, уперев руки в бока, и орала так, что окрестные вороны с веток посыпались:

— Сяо Жуй! А ну марш сюда, паршивец! Живо выкатывайся пред мои очи, мерзавец эдакий!

Делать нечего, пришлось Хань Дую выходить на крыльцо. Он нацепил самую невинную маску и вежливо заговорил:

— Ой, бабушка пришла! Здравия вам. Вы откусать с утра успели? Если нет, я мигом соображу чего-нибудь тёпленького.

Старуха Чжао Чуньпин, согнувшись от злости и тыча в него сухим узловатым пальцем, изошла на крик:

— Зубы мне не заговаривай, ирод! Отвечай прямо: твоих рук дело? Это ты отцу напел, чтоб девку приберечь и брата без бабы оставить? Ганцзы уже за двадцать, девки от него как от чумы шарахаются, того и гляди бобылём помрёт! Нашлась приличная семья, согласная на обмен, так ты, змеёныш подколотый, палки в колёса суёшь! Души в тебе нет, одна гниль! Господи боже, за какие грехи нам достался этот неблагодарный выродок?!

Слушать, как поливают грязью её сына, у Чэнь Юэсян сил не было. Лицо её пошло багровыми пятнами, она набрала в грудь воздуха для сокрушительного ответа, но свекровь пресекла её порыв ледяным взглядом:

— А ты рот-то прикрой, сноха! Я своего внука учу уму-разуму, тебя не спрашивали. Полезешь под горячую руку — и тебе достанется, а мне потом перед соседями оправдываться, что я невестку тираню. Нечего позорить меня на всю деревню!

Хань Дуй прекрасно понимал, что в открытом словесном бою с этой заслуженной скандалисткой его матери ловить нечего — только нервы зря потратит и виноватой останется.

Он незаметно коснулся плеча матери, призывая её сохранять олимпийское спокойствие, и шагнул вперёд.

Вопли Чжао Чуньпин разнеслись далеко за пределы подворья. К забору тут же потянулись любопытные соседи. Прослышав о скандале, прибежала встревоженная Сяо Чжу; вернулась с реки и Хань Мэй с мокрым тазом. Сяо Чжу, сгорая от стыда перед односельчанами, мигом захлопнула калитку и заперла её на засов. Но разве это могло остановить жаждущую зрелищ толпу? Люди лезли на придорожные вязники, карабкались на глинобитные стены, прижимались ушами к щелям в воротах — словом, развлекались как могли.

Сёстры кинулись к бабке, пытаясь утихомирить её и увести в дом, но та с невиданной силой оттолкнула обеих:

— Отвяжитесь! Нечего меня ублажать! Пока я этому волчонку хребет не переломаю и человеком быть не научу, с места не сойду!

Однако, прежде чем старая карга успела приступить к физическому воспитанию, Хань Дуй заговорил сам — ровно, мягко и до крайности ласково.

— Бабушка дорогая, ну зачем же так шуметь? Называя меня выродком да паршивцем, вы ведь в первую очередь себя порочите. Сами посудите: я плоть от плоти отца, а отец — ваш родной сын. Если копать до самых истоков нашей генеалогии, выходит некрасиво. Бранить собственную кровь — всё равно что плевать против ветра, вам не кажется?

За забором воцарилось гробовое молчание. Соседи затаили дыхание.

Чжао Чуньпин аж задохнулась от такой наглости. Лицо её потемнело:

— Ах ты паршивец неблагодарный! Сжить меня со свету вздумал?!

И тут же завела привычную заунывную песню, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Ой, боженька ты мой! Правы люди — дети наши лишь долги наши тяжкие! Полжизни на них положила, а вырастила змей на свою шею! До смерти доведут! Лучше бы я вас всех в колыбели придушила, греха бы меньше было!

Хань Дуй согласно и печально закивал:

— И то верно, бабушка. Золотые слова! Не надо вам было за деда выходить, да и отца нашего рожать не следовало. Как в народе говорят: от яблони яблочко, от кошки — котёнок. Поглядите на наше семейство: старший брат — образина дикая и упрямец, второй — скряга да эгоист каких мало. Ни одного путного человека! Только душить-то надо было не меня. Корень проблемы гораздо глубже, прямо у самых истоков, понимаете, на кого я намекаю?

Зрители на деревьях и за стеной застыли в немом шоке. Ну и парень! Вот это отвага, на саму Чжао Чуньпин замахнулся!

Старуха, искушённая в деревенских баталиях, впервые в жизни натолкнулась на такое глумление. Воздух со свистом застрял у неё в горле, глаза закатились, и она с привычной грацией мешка с мукой рухнула прямо на пыльную землю, мгновенно «лишившись чувств».

Чэнь Юэсян не на шутку перепугалась. За двадцать лет в этом семействе она твёрдо усвоила

примету: если ворона каркает — к ненастью, если бабка падает в обморок — жди великой беды. Сейчас начнётся такое представление, что святых выноси.

Девочки тоже растерялись, бледнея на глазах.

Мать бросилась к лежащей старухе, но Хань Дуй решительно отстранил её плечом. Он присел перед бабкой, неторопливо пощупал её пульс, поднёс палец к ноздрям и запричитал на весь двор:

— Вот посмотрите, люди добрые! Ну что за гнилая у нас порода? Мало того что умом скорбные, так ещё и здоровьем обижены — чуть что, сразу в обморок! Какая нормальная девка за нашего Ганцзы пойдёт, ежели у нас в роду все такие хилые? Да и падает бабуля как-то неумело, без огонька. Не зря вся деревня шепчется, будто она притворяться мастерица. Я бы тоже усомнился: разве у человека без сознания бывает такой ровный пульс и розовая ряшка? Тьфу, сплошная фальшь.

Мертвецки «обморочная» Чжао Чуньпин взвилась ракетой. Глаза её бешено сверкнули, она вскочила на ноги, цапнула прислонённую к стене метлу и с диким воплем замахнулась на внука. Но Хань Дуй уже просчитал траекторию: ловко скользнув к воротам, он рванул засов и выскочил на улицу. По части тактического отступления ему равных не было — ещё ни одному родителю в обеих его жизнях не удавалось его догнать.

<http://bllate.org/book/19655/1950707>